

Геннадий МУРИКОВ

ГОРДЕЛИВОЕ ОДИНОЧЕСТВО

О М.П. Арцыбашеве

В этой статье будут обсуждаться два аспекта деятельности и творчества Михаила Петровича Арцыбашева: о менее известных современному читателю его критических и публицистических работах, и во-вторых, разумеется, о его прозе.

I

С 1928 года, года выхода последнего сборника Арцыбашева, и до 1990 года имя Михаила Петровича Арцыбашева было полностью вычеркнуто из истории русской литературы по разным причинам. Во-первых, резко антисоветская позиция Арцыбашева в эмиграции. Во-вторых, крайне негативное отношение М. Горького (основателя социалистического реализма) не только ко всему творчеству, но и к личности писателя, что коренным образом повлияло на деятельность тогдашних «руководителей культуры». Больше шестидесяти лет Арцыбашев упоминался только в ряду таких «врагов народа», как Ф. Булгарин, Н. Греч, А. Суворин, В. Розанов, Д. Мережковский и др. Суть дела даже не в том, что эти и другие авторы по тем или иным причинам не нравились советским правителям, а в необходимости создания некоего тёмного фона, отражаясь от которого, искрилось бы творчество революционных демократов и пролетарских писателей. А затапывать в грязь или вообще умалчивать — это всегда было нормой советской, да и сегодняшней критики.

Арцыбашев умер в Варшаве в эмиграции в 1927 году. Когда это известие дошло до Парижа, то на заседании общества «Зелёная лампа» З.Н. Мережковская-Гиппиус сказала так: «Человек. Любил родину просто: как любят мать. Ненавидел её истязателей. Боролся с ними лицом к лицу, ни пяди не отступая, не отходя от материнской постели. Шесть лет. Потом был физически выкинут вон. Остался у дверей. И продолжал то же... Он совершенно про-

сто отдал своей любви всё, что имел. Ведь не в том дело, чтобы дать много или мало, — да и кто судьи? — а в том, чтобы отдать всё. Всё, что имеешь, всё, что у тебя есть, ничего не пожалеть, даже жизни своей. (...)

Как солдат на фронте умирает просто, в чистой рубашке, умер и Арцыбашев, отдав всё своё, вплоть до жизни, — своей единой любви».

Смерть Арцыбашева вызвала множество скорбных признаний его друзей по литературе и эмиграции. Некрологи Арцыбашеву опубликовали Д. Философов, А. Амфитеатров, А. Карташов, А. Куприн и другие. Телеграмму — «Слава Герою, умершему за свободу России» — прислали З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский. А.В. Карташов в некрологе писал: «Как бы хотелось вернуть это правдолюбивое сердце и это могучее слово освобождённому русскому народу, когда надо будет добивать последствия коммунистических обманов и чистить народную душу от засорения всякой поганью».

Во всё время советской власти — о чём я могу свидетельствовать сам как филолог — творчество Арцыбашева оценивалось с двух точек зрения: во-первых, как писателя поклонника ницшеанства, который в романе «Санин» (1907 г.) будто бы провозглашал торжество некоего героя — сверхчеловека; — и во вторых, как пропагандиста самоубийств в романе «У последней черты» (1910 г.). Однако этого кажется мало для такого осуждения. Фёдор Сологуб писал вещи и покруче, не говоря уже о пропаганде гомосексуализма в романе М. Кузьмина «Крылья». Думаю, что суть вопроса состоит в том, что оба упомянутых автора не вступили в конфликт с советской властью, а тихо и мирно скончались в пределах СССР, даже не будучи репрессированными.

Однако Арцыбашев поступил диаметрально противоположным образом, а поэтому и стал для так называемого советского литературоведения будто бы проповедником сексуальной распущенности и ницшеанской вседозволенности. Он был человеком страстным, даже неукротимым, и все его оценки, прежде всего в критических статьях, а тем более образы героев романов, поражают неожиданностью и даже парадоксальностью. При этом почти везде сквозит иногда почти неуловимая, а порой и почти явная насмешка.

Для примера приведём несколько фраз из статьи «О Толстом» (1910 г.): «То, что Толстой умер, меня нисколько не поразило и даже не тронуло. Всякий человек умирает, умру и я сам, между нами только та разница и есть, что он умер на несколько лет раньше. Если это страшно, то страшно постольку, поскольку есть смерть, и тогда страшно, если и кошка сдохнет, а что именно Толстой умер... так не изумляться же тому, что такие тузы живут и умирают? Было человеку восемьдесят три года — естественное дело, что умер. Рано или поздно должен был умереть. (...) Нечего и огорчаться: исполнил человек своё предназначение, и слава Богу!».

Учение Толстого Арцыбашев считал глупым, а тех, кто видел в Толстом совесть народа, считал людьми небольшого ума. В той же статье о смерти Толстого есть поразительное признание: «У меня было такое впечатление, точно вышвырнули труп Толстого на дорогу, и собаки во все стороны растащили его кости...». «Он был великий талант? Это так. Но много было великих талантов, и даже те, кто поклонялся Толстому, должны признать, что были таланты ещё больше его. Я, например, Достоевского ставлю выше Толстого, а другие ещё, слава Богу, если вознесут над ним Пушкина или Шекспира...». «Мыслитель?.. Как мыслителю, если под этим словом подразумевать человека, нашедшего новую мысль, принёсшего новые откровения, Толстому цена — грош».

Разумеется, нет смысла пересказывать содержание разных статей и выступлений М. Арцыбашева по литературным и политическим вопросам, важно только охарактеризовать его творческую манеру, всегда резкую и бескомпромиссную. Особенно это проявилось в его выступлениях послереволюционного периода. Характерна насмешливая и злая статья 1923 года «Завоевания революции»: «Когда-то давно, ещё во времена “мрачного деспотизма”, в какой-то газете на первой странице, отпечатанное огромными чёткими буквами, появилось загадочное объявление: “Да здравствует р...!” (...)

Чуть не всё население Петербурга, проснувшись необычно рано, пустилось за газетой. У киосков за всю историю русской печати образовались хвосты, как у театральных касс, а газетчиков буквально рвали на части. (...)

Этого и описать невозможно! Люди ходили, точно пьяные. Петербург трясло, как в лихорадке. Телефонные аппараты портились, а барышни падали в обморок от усталости. Тираж газеты дошёл до умопомрачительной высоты.

Увы, на четвёртый день яркая сказка кончилась: безумно смелое объявление закончило фразу скромно и трусливо: “Да здравствует револьверская килька!”». Согласитесь, весьма остроумная реклама. (А поскольку мы пишем больше ста лет спустя, то можем предложить такой вариант рекламы: «Долой п!»), а потом скажем, что мы выступаем против применения презервативов).

Итоги революции Арцыбашев резюмировал зло и твёрдо: «Безобразная круглая голова параличного идиота украсится тем же ореолом, который сверкает над гнусной физиономией Робеспьера, и слово “чека” будет произноситься с тем же благоговением, с каким произносилось слово “гильотина”».

Русскую революцию Арцыбашев вместе с рядом выдающихся его современников рассматривает как нашествие инородных завоевателей: «Если в результате этой самой революции воцарится долгая ночь беспросветной реакции или, обратив Россию в колонию, будут грабить и бить нас по мордам иноземцы, то о каких же завоеваниях революции мы тогда будем говорить?»

Опять о свержении монархии?.. Хоть морда в крови, да наша взяла?

Благодарим покорно!

Я не монархист, не реакционер, я даже и не контрреволюционер.

Я, если можно так выразиться, — антиреволюционер.

Я смотрю на революцию вообще, как на великое бедствие. Такое же, если не хуже, как война, голод и чума» (из статьи «О революции, о правде, о госпоже Кусковой и о самом себе», 1924 год).

Особенно даже у теперешних публикаторов, видимо, вызывала неприязнь статья Арцыбашева «Смерть Ленина», хотя он опирался только на официальные источники — партийные и коммунистические издания. Он задаёт вопрос: был ли Ленин гением? Был ли он выдающимся мыслителем? Был ли он удивительно чётким политиком, сумевшим обыграть своих противников? И его ответ на все эти вопросы однозначен — НЕТ. «Вскрытие тела Ленина обнаружило страшное разрушение в его мозгу, и теперь уже ни для кого не тайна, что вождь коммунистов погиб от прогрессирующего паралича. (...)

Согласно самому характеру болезни, поразившей Ленина, он ДОЛЖЕН БЫЛ БЫТЬ психически ненормальным уже задолго до того, как стал явно безумным. Он стоял на прямом пути к неизбежному сумасшествию, и только уклон процесса в сторону дви-

гательных центров спас его от полного идиотизма, положив конец самой жизни. (...)

Сумасшедший в роли вождя партии, диктатора великой страны, владыки стопятидесятимиллионного народа!

Фантазмагория!»

Д.В. Философов в своих заметках «Памяти Арцыбашева», говоря об особенностях так называемой советской литературы, вспоминал, что Арцыбашев называл Ленина «её заказчиком», а небезызвестного М. Горького — «подрядчиком». По сути так оно и было.

Как видим, отрицательное отношение Арцыбашева к революции и Ленину было постоянным до самой его смерти. На это большевики ответили ему более чем шестидесятилетним замалчиванием.

Но есть в творчестве Арцыбашева и другая сторона.

Понимание революции в таком ключе, само собой разумеется, ставит Арцыбашева в ряды самых злобных антисоветчиков, который был бы острее и Бунина, и Шмелёва, если бы он не умер так рано.

* * *

Арцыбашев стал известен после выхода в 1907 году его первого романа «Санин». Честно говоря, для современного читателя в этом романе нет ничего особенного и даже впечатляющего. Несколько раз его персонажи употребляют слова «половой акт». В другом месте сказано: «Вот если бы тебе при виде голы женщины и желания никакого не возникло».

Во время разговора с одним из героев Санин удивляется странным для нашего времени вещам: «Женщина, с которой он хотел совокупиться, не совокуплялась раньше ни с кем». Дальше поясняется так: «Женщина, свободная и молодая, выбирая самца, ошиблась и стала опять свободной уже после полового акта, а не прежде него». Как известно, Арцыбашева обвинили в порнографии, в том, что он грубо обращался в своём романе с тонкой женской душой, но никаких явных обвинений предъявить ему было невозможно.

Перелистывая страницы русской литературы до Арцыбашева, мы ни у Толстого, ни даже у Достоевского не найдём слов «совокупляться», «половой акт», с женской стороны они заменены словом «отдаться», а с мужской — «взять» или «обладать». Уж какая-никакая проститутка Софья Мармеладова, которая пошла на каторгу с Раскольниковым, никогда не вступала с ним «в половой акт». Что можно сказать? Неужели эта проститутка якобы девственница, или просто цензурой Достоевскому было запрещено употреблять слова типа «половой акт»?

* * *

Сейчас, в XXI веке, когда мы начитались романов Д.Г. Лоуренса, Генри Миллера, не говоря уже о сочинениях маркиза де Сада, вся эта псевдополемика кажется просто глупой. Но это не случайно. По крайней мере, большая часть XIX века проходила под знаком так называемой «викторианской морали». Английская королева и императрица Виктория отличалась необычайной чопорностью, ханжеством, о чём позднее подробно написал Евгений Замятин в книге «Островитяне». Это ханжество распространилось и на Россию, и на некоторые европейские государства. Женщинам запрещалось входить на второй этаж омнибусов, чтобы — не дай бог! — кто-то не мог подсмотреть под нижними юбками что-то потаённое. Художникам было запрещено рисовать Богородицу ниже пояса. Эта «викторианская мораль» поразила и Россию. Впервые она была разрушена с художественной точки зрения после выставок Дягилева в Париже, а в литературе — именно у Арцыбашева.

Вот что пишет Арцыбашев. Это слова Санина: «Каждой женщине приятно, чтобы любовались её телом прежде всего». Во многих местах романа речь идёт о каком-то «развитии» женщин. Это банальная тема писателей 60-х — 70-х годов XIX века. Что такое «развитие»? Так называемые революционные демократы понимали под этим остриженные волосы, работу школьными учительницами и т. п. Многочисленные «развитые» женщины фигурировали в романе Лескова «На ножах» (Вансок) и др.

Но, по мнению Арцыбашева суть женщины заключалась далеко не в этом: «Если лишить мир женской чистоты, так похожей на первые весенние ещё совсем робкие, но такие прекрасные и трогательные цветы, то что же святого останется в человеке?..», — так думает один из персонажей романа Юрий Сварожич. Но сам он человек =двойственный, мятущийся, постоянно колеблющийся в своих взглядах.

В романе много разных персонажей, противоречащих друг другу, ведущих бесконечные дискуссии. Все они связаны разными отношениями с женщинами, так что порой очень трудно добраться до общего смысла повествования. Роман носит название «Санин», хотя Санин отнюдь не главный герой. Глядя из XXI столетия, я снова и снова удивляюсь тому шуму, который вызвала публикация этого романа сто лет назад. Например, в одном из эпизодов Санин заявляет: «Я предпочёл бы мировую катастрофу сейчас, чем тусклую и бессмысленно гибнущую жизнь ещё на две тысячи лет вперёд». Это почти дословное повторение мысли — «лучше ужасный конец, чем ужас без конца», — которую любил цитировать Ф. Энгельс.

Мне до сих пор непонятно, почему Санин считался, по крайней мере в те годы, каким-то нарушителем нравственных правил того времени. В одном из эпизодов романа он прямо говорит: «Я в бога верю. Вера в бога осталась во мне с детства». Но дальше он продолжает: «Наше определение бога всегда будет идолопоклонничеством». Откуда это известно? Ниоткуда.

А через несколько страниц идёт такой пассаж. После так называемого «совокупления», которое кажется Лидии Саниной — сестре Санина в романе стыдным: «Стыдно не только жить, но даже желать жизни (...)» — говорит она, рассказывая брату о происшедшем. — Это было бы подло, я...

— Оставь ты, пожалуйста, этот вздор». И опять-таки как будто бы это пропаганда порнографии?

Но, конечно, главный сюжет романа вовсе не в описании каких-то сексуальных сцен. Суть повествования в том, имеют ли право революционеры убивать своих жертв, оставаясь при этом как бы борцами за народное счастье, одновременно не жертвуя собой. При этом возникает просто удивительная для нашего времени тема: почему-то девушка, отдаваясь мужчине, якобы стремится к смерти. Это нельзя истолковать иначе, как врождённой психопатией: «Как связать это, — без слов думала Карсавина, — я люблю Юрия и теперь люблю его так, что сердце рвётся... при мысли о том, что я не буду для него такой чистой и единственной, как была, всё меркнет, как перед смертью, а между тем меня толкнуло к этому человеку (Санину — Г. М.)». «Революционер» Юрий Сварожич неожиданно и просто поразительно «содрогнулся от стыда» и покончил с собой. «И те, кто знал, и те, кто не знал, и те, кто его любили, и те, кто презирали, и те, кто никогда о нём не думали, все пожалели Юрия Сварожича, когда он умер».

Равнодушно отнёсся к этому событию только Санин, сказавший: «Одним дураком на свете меньше стало, вот и всё». И всё же повторю, что именно Юрий Сварожич по существу является главным героем романа. Его страдания, любовные борения — это центр борений самого автора. Санин — образ проходящий. Он не похож ни на сверхчеловека, ни на революционера. Для сравнения хочется вспомнить две интересные повести Максима Горького: «Фома Гордеев» и «Варенька Олесова». В них как раз фигурируют герои — сверхчеловеки, хотя в советской литературной критике повесть «Фома Гордеев» всегда истолковывалась как антикапиталистическая.

Но суть творчества М. Арцыбашева совершенно не в этом. Все его излюбленные герои постоянно балансируют на грани жизни и смерти. В этом он близок к творчеству Леонида Андреева, с которым у писателя был давний и долгий литературный спор. Иногда удивляет даже совпадение названий: у Арцыбашева «Смех» (1903), у Л. Андреева — «Красный смех» (1904). Но особенно сближает писателей тяготение к раздумьям о самоубийстве. Причём это относится не только к революционерам, вроде бы и готовым умереть во имя торжества своих прогрессивных дел, но и ко всем рядовым обывателям. В рассказе «Паша Туманов» ученик застрелил директора гимназии просто потому, что тот не перевёл его в следующий класс. Как это свойственно именно нашему времени! В рассказе «Тени утра» как будто нарочно обыгрываются знаменитые слова Ленина: «Учиться, учиться и учиться!». Но суть в том, что один из героев, революционер Паша Афанасьев, умирает от туберкулёза, а другая революционерка Дора Баршавская во время террористического акта бессмысленно стреляет в проходящего полицейского и в истерическом припадке попадает в тюрьму.

Такого рода сюжетов немало у Арцыбашева. Они составляют основу его последнего романа «У последней черты». Дело не только в некоей истерической связи революции и смерти, просматривающейся с первого взгляда, а в том, что любовь и смерть как-то связаны между собой. Интересен один сюжет из рассказа «Старая история», в котором один из героев — Перовский рассуждает так: «несчастливая любовь — страдание, а чересчур счастливая — пошлость. (...) Этот Перовский ещё студентом сошёлся с женщиной гораздо старше его. Ему было лет двадцать пять, а ей под сорок, но она была очень хороша. В прелести увядающей женщины есть что-то невыразимо обаятельное, напоминающее осеннюю астру. Трогает красота, которая сегодня так красочна и привле-

кательна, а завтра осыплется, как осенний цветок. И в сознании своей последней красоты она становится особенно нежна, дорожит каждой лаской, отдаётся полно и бесстыдно, как могут отдаваться только умирающие, для которых уже не существует завтрашний день. И чем моложе мужчина, тем сильнее в нём запрос сладострастия, тем ярче чувствует он эту прелесть». Вновь та же тема: любовь и смерть, смерть и страсть. Но и это ещё не всё.

Как и у большинства русских писателей, ключевая тема в творчестве М. Арцыбашева — это богоискательство. Понятия смерти, любви, христианства становятся для него чем-то общим, объединённым словом БОГ. Если так называемые революционеры выглядят в его произведениях людьми, готовыми к самопожертвованию, а порой просто придурками, то слово бог и стоящие за ним смыслы кажутся весьма ощутимыми. Вспоминается пьеса Леонида Андреева «Анатэма», где главный герой Сатана, равно как и его же повесть «Иуда Искариот». К этим же темам обратился и М.П. Арцыбашев. Особенно интересен его рассказ «Бог». Хотя его сюжет может показаться даже смешным: несколько гимназистов собираются, чтобы выслушать доклад своего товарища на довольно странную тему о существовании бога. В переводе на современный язык — это собрание некоего философского кружка. Однако разговор нешуточный, поскольку возникает тема «сила, двинувшая мир из небытия к бытию, так или иначе, но должна была быть, а во-вторых, — если бы Бог не был началом всех начал, то существование его, или этой силы не имело решающего значения». Главный герой рассуждает так: «Раз не сохранится наш ум, не сохранится ничего... ум же сохранится только при одном условии: если Бог есть разумная сила». На это суждение у слушателей не находится никакого возражения. А мы от себя можем спросить: откуда это всё известно? Мало ли, как и в каком виде существует Дух Божий? Так что аргументы докладчика на этом философском кружке — гимназиста Коцуря не выглядят вполне убедительными, тем более что дальше следует размышление о существовании будто бы четвёртого измерения, под которым в наше время, согласно теории Эйнштейна, понимается время, в рассказе Арцыбашева дано другое определение: «вес». Возмож-

но, это навеяно учением Г. Гурджиева¹. В споре гимназисты приходят к такому условному выводу: «Если мысль есть сущность одного измерения, а Бог вне измеряемости, то, следовательно, наша мысль не может войти в Его сферу видимости, неосвязаемости, неоощуцаемости и неслышимости, а так как наглядно, после смерти человека, она становится таковою, что значит, она просто уничтожается, и загробной жизни нет, не может быть!..»

Коцура согнулся и стал собирать свои заметки. Воцарилось глубокое молчание. Все казались подавлены и действительно ощущали холодок в сердце». Рассуждения гимназического философа Коцуры выглядят, конечно, любопытными и вполне сопоставимы с мнениями некоторых героев Ф. Сологуба и Л. Андреева, но они, опять-таки, весьма поверхностны. От того, что человеческая мысль прекращает своё существование, вовсе не следует, что прекращается существование Бога. Но, судя по всему, эти вопросы волновали не только Арцыбашева, но вообще литературную общественность того времени. Религиозно-философские вопросы постоянно волновали Арцыбашева также, как и его литературного соперника Л. Андреева. Отмечу почти мистическое совпадение: и Л. Андреев, и М. Арцыбашев умерли в возрасте сорока девяти лет.

Их сближало многое, в частности интерес к христианской истории. Например, у М. Арцыбашева есть рассказ «Братья Аримафейские», посвящённый, прямо скажем, неортодоксальной версии похорон Христа. Опять-таки автор соприкасается в нём с повестью Л. Андреева «Иуда Искариот», задаваясь вопросом, весьма далёким от ортодоксального христианства: умер ли Христос? Вознёсся ли он на третий день после распятия и обрёл ли он бессмертие во плоти? Эти же вопросы рассматривают современный писатель Дэн Браун и его последователи. Такого рода размышления подводят нас к вопросу о чаше Грааля — центральной теме немецкой мифологии, ставшей центром оперного творчества Вагнера. Но, разумеется, в русской литературе того времени этот вопрос не рассматривался.

¹ Георгий Иванович Гурджиев (1866, Александрополь, Российская империя (ныне Гюмри, Армения) — 1949, Нёйи-сюр-Сен, Франция) — русский мистик греческо-армянского происхождения, живший в Тифлисе, затем в Москве, с начала 1920-х годов проживавший во Франции. Известен как писатель, духовный учитель, путешественник и композитор, основатель оригинального мистического учения. *Прим. ред.*

В позднем творчестве М. Арцыбашева следует отметить две темы, которые проявились сначала и в романе «Санин»: во-первых, — самоубийство, занявшее основную часть в романе «У последней черты» и, во-вторых, — особенности женской психологии, отчасти в её сексуальных аспектах, чему посвящён последний роман писателя «Женщина, стоящая посреди».

Вопрос о самоубийстве революционеров и вообще многих истериков и психопатов того времени настолько банален, что даже говорить о нём отдельно вроде как бы и не следует. Есть исторические параллели, которые знает каждый не то чтобы знаток, а просто читатель: после выхода повести Гёте «Страдания молодого Вертера» (1774 год) сам автор был поражён волной последовавших самоубийств в Германии и других странах. Почти то же самое произошло и в России после выхода в свет повести Карамзина «Бедная Лиза».

Об этом же пишет и Арцыбашев. Один из его героев в романе «У последней черты» рассуждает так: «Хорошо, верю, верю, что жизнь прекрасна и велика, но не для меня!.. Со мной всё конечно: никогда уже мне не выбраться отсюда, у меня уже нет ни сил, ни желания бороться. Я должен спускаться всё ниже и ниже (...) если может быть что-нибудь ниже того, что уже есть!..». Конец этого героя, как и некоторых других персонажей романа «У последней черты», печален: «Маленький студент висел на вешалке рядом со своей коротенькой шинелью. Пара маленьких калош, старых и рваных, стояла на полу возле». Есть ли в зарисовках такого рода пропаганда самоубийства? Вспомним дегенеративный образ революционера из рассказа «Революционер». Мне кажется, что студент Чиж вызывает скорее жалость, чем желание стать адептом идеи самоубийства. А кем же тогда был Кириллов в романе Достоевского «Бесы»?

Последний роман Арцыбашева — «Женщина, стоящая посреди» — пожалуй, единственное эротически-сексуальное произведение, которое могло выйти в то время в русской печати. В нём нет героев вроде Санина, но все персонажи находятся как бы внутри единой сексуальной сети. Вообще говоря, это напоминает многие произведения Мопассана, но у Арцыбашева, как истинного русского богоискателя, вопрос переводится на религиозную почву. Роман открывается эпиграфом из Евангелия от Иоанна 8: «³ Тут

книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии:

· Они же, услышав это и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посередине.

· Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: “Женщина! Где твои обвинители? Никто не осудил тебя?”

· Она отвечала: “Никто, Господи”. Иисус сказал ей: “И Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши”».

Однако все персонажи романа противоречат этому нравственному завету. Похотливые герои Луганович, Высоцкий стараются соблазнить не менее похотливых дам — Раису и Нину. Это им легко удаётся, и вот уже клубок эротических страстей заворачивается в полном масштабе. Кстати отмечу, что в этом романе у М. А. нет не только самоубийств, но даже отсутствуют какие-либо трагические эпизоды. Наоборот, один из героев — Арсеньев, судя по всему автобиографический образ писателя, объясняет Нине задачу творчества: «Видите ли, Нина... Мы только что говорили о том, что у писателя должна быть большая душа... Но ведь под этим словом нельзя понимать, что эта душа преисполнена всяческой добродетели. Большая душа — это душа огромного диапазона, совмещающая всё. От крайней мерзости до высшей красоты. Только человек с такой душой может охватить жизнь во всём её многообразии...».

* * *

А как отмечено выше, отчасти неожиданная, а отчасти предполагаемая смерть Арцыбашева (он умер от туберкулёза) в 1927 году вызвала многочисленные отклики современников. Вот что писала Зинаида Гиппиус: «Сначала прихлопнули нас всех тёмной, тяжёлой крышкой. Наступила — смерть не смерть — смертная тишина. (...) Земля пустынна; ни травинки, всё срезано; и вот, судорожно ещё роятся в ней чёрные ногти, нащупывают, вырывают корни, чтобы уж и корней не осталось, памяти не осталось, чтобы не тургеневская Финстерархон, а кремлёвская дама Крупская могла сказать: “Хорошо! Совсем чисто!”».

Большевики считали, что они вычеркнули навсегда Арцыбашева из истории русской литературы, но жизнь опровергла их мнение.